

Душа и ее свойства по представлению телеутов.

А. В. Анохина.

(Представлено академиком Е. Ф. Карским в заседании Отделения Гуманитарных Наук
14 сентября 1928 года.)

Большинство телеутов — шаманисты; естественно, что все явления природы, а в частности — психические переживания их, преломляются через призму шаманской идеологии. В такой же окраске они передают свое представление о душе.

Настоящая исследовательская статья была написана в 1912 г.
В 1928 г. она была значительно пополнена и путем опросов проверена.

В систематизации настоящего материала ближайшее участие принимали телеуты: Г. М. Токмашов, Р. Хлопатин, кам Канакай (ныне умерший) и С. Максимов.

По представлению телеутов душа человека имеет семь свойств: *kum*, *jula*, *тын*, *үзүт*, *сүнә*, *сүр* и *jäl-салкын*.

Перечисленные свойства проявляются в различные периоды жизни человека, а именно: до рождения человека, вернее — до зачатия в утробе матери, при земном существовании и в период посмертного существования.

Кут и јула.

Кут понимается двояко: как зародыш (*embryo*), от которого начинается бытие человека, и как сила, поддерживающая бытие человека. *Кут*, как зародыш, приходит извне и воплощается в человека. По мнению телеута-шаманиста, ондается человеку от небожителя *Үлгән'я* — творца человеческого *кут'a* — *Анам-Jaјучы*, по-русски «мать-творец» — живущего на 4-м слое небесной сферы.

Кут, посланный *Анам-Jaјучы*, воплощается в утробе матери и принимает вид красного червяка (*кызыл курт*). Этот зародыш в дальнейшем переходит поестественному развитию в обычный плод человека.

Чадородие у телеутов объясняется присутствием *кут'a*, безчадие, наоборот — отсутствием *кут'a*. Мать и отец, не рождающие детей, считаются

лишеными, по воле *Анам-Яаузы, күт'а* (*куды јок кіжі*). Таковые родители обращаются с просьбою о даровании *күт* на детей к другим родовым *Үлән'ям* или же к земным духам: *Ада-кіжі* и *Јо-кан'у*. В этих случаях приносятся кровавые жертвы ради умножения в доме голов (*үі толо баш учун*).

Если после такого жертвоприношения вскоре рождается дитя, то рождение его истолковывается милостью духа, а сам ребенок считается творением духа: *ада кіжідәң яјалған, јо адазынаң яјалған, брәїл бајана-даң яјалған* — от Адама сотворенный, от отца сомов сотворенный, от верховного духа сотворенный.

Дух, даровавший *күт* на детей, по убеждению телеутов, кладет на их тело метку — *мәң* (родимое пятно), или дает им курчавые волосы — *jil-бәр чач*.

Үлән'ю или земному духу, от которого получен *күт*, через пять лет родители приносят вновь кровавую жертву и просят долголетие ребенку. Детей, дарованных духами, в Чолухое имел телеут Шаади, ныне умерший. Так говорят туземцы.

Күт (эмбрио), давший начало бытию человека, остается жить с ним и расти. В этом случае он приобретает смысл особой силы, поддерживающей бытие человека. В сознании телеута он очень ценится. На этом основании этот *күт* сравнивается с драгоценным металлом — с золотом с конской головой и с серебром с овечьей головой:

*Ат бажынча алтын күт,
Кои бажынча күмүш күт.*

В обычных разговорах этот вид *күт'а* еще больше реализуется. Он понимается как двойник, который может отделяться от человека, жить вне его и снова сообщаться человеку.

Күт, отделившись от человека, переживает превращение — метаморфозу. Его превращение или видоизменение начинается с момента выхода из человека и продолжается до момента, когда кам (шаман) поймет и возьмет в свои руки для того, чтобы снова возвратить в человека.

Күт метаморфозный называется *јула*. По существу *јула* — тот же *күт*, но вышедший из человека, блуждающий и не попавший обратно в человека.

*Куды чыкты,
Јула жастыкан-јат —*

күт вышел, *јула* идет мимо, не может попасть, ошибается.

Но если в понимании телеута *күт* и *јула* тождественны, все же рассказы о проявлениях *күт* по выходе его из человека приписываются большей частью *јула*.

Рассказы эти следующие. Отделение *kut'a* от человека бывает двоякое: непроизвольное и произвольное. Непроизвольное отделение происходит при испуге, в момент бессознательного состояния человека. О таком случае обычно говорят: *kizzi korkup, куды чыкты* — человек испугался, его *kut* выскочил.

Как только из человека вышел *kut*, единство человека нарушается, оно как бы раскалывается на две половины, которые начинают жить каждая порознь — человек сам по себе, а *kut*, переходящий потом в *jula*, сам по себе. Вследствие этого человек начинает хворать, и если при помощи кама не возвратит в себя *kut*, то умирает.

Отсутствие *jula* или метаморфозного *kut'a* в человеке замечается непосредственно после испуга, а иногда через продолжительное время.

Отсутствие *jula* замечает или сам человек, или посторонние, или, наконец, шаман. Сам человек отсутствие *jula* определяет по болезни и сновидениям: *ox, julam jok*, говорит больной, *камба барын julam urduradym* — *jula* нет, пойду к каму, чтобы возвратил мне *jula*.

Шаман отсутствие *jula* в человеке определяет через гадания на *толу*. *Tolu* — мужские и женские рубахи, а также и халаты, которые подвешиваются к стене при камлании духу в качестве приношения или выкупа. Пред моментом приношения, кам тщательно осматривает их чистоту. При осматривании иногда замечает по ленточке, подвешиваемой здесь же, отсутствие в человеке *jula*.

К сказанному необходимо добавить следующее. Одной из важных интимных функций кама при всяком камлании является тщательный контроль на всех проходимых им этапах (*pudak*). При контроле у доброго или злого духа он ищет *jula*. Если найдет, то схватывает его и отправляет к месту жилища больного с сопутствующим духом *Bai-Som'om*. При вручении *jula* кам говорит:

<i>Jäp sūça, jätton tūça,</i>	— К месту своего обитания (букв. к земле, воде), к семидесяти своим горам,
<i>Säis kyjyn, tört tolubuna,</i>	К семи стропилам, к четырем своим углам,
<i>Аланчыңца, ак жалбыжыңца...</i>	К своей юрте, к своему белому огню (возратись!)
<i>Közj jamanba kbrüibä,</i>	Худому глазу не показывайся,
<i>Künj jamanba kabylba,</i>	Зложелателю не попадайся,
<i>Azragan bolzo adaça,</i>	К питавшему тебя отцу,
<i>Amisträiän dnäñä</i>	К матери, кормившей тебя, назад возвратись!
<i>Oito jan —</i>	

По выходе из человека *jula*, по одним версиям, живет в пространстве, на свободе, и витает по углам избы, амбара у своего хозяина или у

соседей. В это время человек, которому он принадлежит, страдает болезненной спячкой: где сидит, там и спит. Перекочевывая с одного места на другое, *јула* в ночное время за окном иногда свистит. Услыхав свист, хозяин дома, при чтении молитвы — *алкыши*, растворяет настежь дверь, сам выходит на улицу, бьет в железный ковш, заманивает *јула* в избу. *Јула* идет на звуки. Когда хозяин зайдет обратно в дом, то неплотно притворяет дверь и держит ковш в отверстии. *Јула* на звуки проходит в щель двери. Хозяин зачерпывает его ковшом и, с произнесением магических слов: *он күрыі*, ковш быстро окутывает тряпкой и завязывает веревочкой. *Јула* считается пойманым. В дальнейшем ковш ставится в укромное место на печку или на полати.

Утром кам узнает, кому принадлежит *јула*. Бывает так, что человек, в котором кам признал отсутствие *јула*, ранее совершенно этого не замечал.

Пойманного *јула* кам возвращает человеку вдуванием в правое ухо через кулак (*јулазын урды*). По другим версиям, *јула*, по выходе из человека, непосредственно попадает в руки или добрых духов — *сом'ов* и дочерей *Үлән'я* или злых духов — *јаман көрмбстобр*.

По убеждению телеутов, те и другие духи невидимо окружают человека и бдительно наблюдают за ним. Как только отделился от человека *јула*, духи схватывают его. Добрые духи *јула* хранят у себя для того, чтобы потом возвратить человеку, а злые — чтобы взять за него выкуп-жертву. Они — алчные.

Из всех доброжелательных духов (*бајана*) дочери *Үлән'я* обнаруживают особенную готовность приходить на помощь к человеку во время испуга. При тревожном стуке на земле, с быстротой молнии они спускаются с 14-й небесной сферы к человеку и, рассыпаясь как горох, окружают его (*қыбылууда қыңчылудар* — при тревожном стуке сжимающиеся).

Человек, лишившись *јула*, не знает, к какому духу попал его *јула*. Об этом узнает один кам через посредствующего духа, духа дверей — *әжік-піі*.

Если *јула* окажется в руках доброго духа — *бајана*, то шаман (кам) с помощью своих духов-помощников (*калың чары* — большое войско) беспрепятственно берет *јула* и возвращает чрез вдувание в правое ухо большому.

Если *јула* попал в руки злого духа, то в лучшем случае для возвращения его, как сказано раньше, дается выкуп-жертва. На этом развязка и кончается. Но *јула* человека, попавши в руки злых духов, может подвергаться и худшим положениям: злые духи могут пожирать *јула* (*јуланы јудуп ііди*). Когда постигает такая участь *јула*, то он считается умершим и ушедшим на другой свет (*ол жарда барап*). Человек в таких случаях

долго и тяжело болеет, а потом умирает. Так как возврата для *јула* уже нет, то теряет чрез это и человек жизненную силу для своего существования. Рассказывают телеуты и о других положениях *јула*.

Јула может жить в руках злых духов несколько лет. За свое пребывание он оскверняется — *кірлүй болуп јат*. Возвращая такого *јула* человеку, шаман предварительно посыпает его для очищения в мифическое молочное озеро с такими словами:

Аришын была аластан

Очистись курением можжевельника,

Ак сүт көл была јунун тур!

В бело-молочном озере омойся!

Иногда злые духи долго ловят блуждающего *јула*. Во время ловли в злобе неосторожно схватывают его и наносят повреждения. Эти повреждения передаются на тело человека, которому принадлежит блуждающий *јула*. Так объясвили камы искривление двух нижних ребер правого бока у телеута Клементия из улуса Чарги. Но после камлания с жертвоприношением черной овцы дверному духу: *бії-әңжі*, у Клементия ребра исправились.

У телеутов религиозно-фаватичных наблюдается много случаев галлюцинаций. По их убеждению, можно видеть злых духов. Если человек увидит *көрмөс*'а (злого духа), то стрелять в него нельзя, потому что можно убить *јула*, которым *көрмөс* защищается от стрелка. Застреленный *көрмөс* лежит три дня мертвым, а потом оживает.

Когда вихрь вертится по солнцу, то вместе с ним невидимо вертятся *јула* и кам, если против солнца — злые духи. В последнем случае телеуты закрывают уши ладонями, чтобы не вышел *күт* и кричат: *шай, бау!*...

Есть также рассказы, что кам может отнимать *јула* от человека и отдавать такового в обмен злому духу на другого *јула*. Это всегда делается секретно. За украденным *јула* бывает погоня другого кама. Происходит между двумя камами, при помощи их духов, состязание, иногда на довольно большом расстоянии. Человек, лишившийся в таких случаях *јула*, умирает от припадка. Этот печальный случай телеуты всегда ставят в связь с кражей *јула*.

До сих пор говорилось о непроизвольном отделении *јула*, но бывает еще, как сказано раньше, произвольное отделение *јула*.

Произвольно отделяется *јула* у двух лиц: у кама и его помощника — *пайтал-башчи* в то время, когда совершается мистерия. Кам (шаман) и его помощник башчи, по смыслу мистерии, путешествуют в различные области, но путешествуют не сами, а своими двойниками — *јула*. Удалившись мысленно на несколько этапов от дома, кам иногда возвращает с пути *јула* башчи домой, поручая его, опять, сопутствующему духу *Бай-Сот'*у. При

окончании же камлания берет от него и чрез правое ухо вдувает в *пайталь-башчи*.

Жула человека может уносить с собой в загробную жизнь умерший. Если по смерти мужа вскоре умирает его жена, а за ней дети и друзья мужа, то это явление объясняется телеутами похищением их *кут'a* умершим. В таких случаях говорят:

*Жулазын алым партыр,
Пу ойн пады —*

жула взял (умерший), от этого они умерли.

К непроизвольному отделению *кут'a* можно отнести и следующий еще рассказ.

Кут похищается камом у человека с целью причинить смерть последнему. Так делает кам в ссоре. Если человек, нанесший каму обиду, вскоре умирает, то думают, что его съел кам (*кам јігән*).

Кроме человека *кут* имеют животные (*малдың куды*) и растения.

Кут животных понимается как зародыш, от которого начинается бытие, и как жизненная сила, поддерживающая его дальнейшее существование.

Кут животных, как зародыш, посыпается на землю от небожителя, второстепенного *Үлән'я* — *Арман-Кан'a*, живущего на третьей небесной сфере (*үч кат*).

Кут животного, как уже жизненную силу, может уносить с собой на тот свет умерший глава семьи, — скотина тогда начинает изыхать (*малдың кудын алым парбан, мал ой-жат* — он *кут* скота взял, от этого скот изыхает).

Кут растений понимается как зародыш. Он дается от *ыңык'ов* — духов рек, озер, долин. Весной *ыңык'ам* приносят жертву; их просят охранять траву, хлеб от кобылки, мышей, червей и других вредителей. Если летом бывает хороший урожай травы, то телеуты говорят: *ыңык ойоң чоптың кудын бәрді* — *ыңык* послал на траву *кут*.

Т ы н.

Тын есть духовное свойство, присущее человеку, скоту, зверям, птицам, гадам, траве и лесу. Всё перечисленное по-телеутски называется так: *јүйүрәр аjakту, учар канатту, ар тынар тынду* — ходящие — на ногах, летающие — на крыльях, всё (это) дышущее — с душой.

По отношению к человеку *тын* понимается различно. Во-первых — как душа, которая за злые дела по смерти человека подвергается мучению. На этом основании, когда человек делает другому зло, последний говорит:

тыныңдың дәйбәй жаңын-ба, тыныңның күнделіктаның білбәй жаңын-ба? — про душу разве не думаешь, что душа твоя будет мучиться? Во-вторых, тын в связи с человеком понимается как способность дышать. Этой способности не имеют камни. В-третьих, тын есть жизнь, которая, по выражению телеутов, может порваться: тының үзүлсін — жизнь твоя пусть порвется! Так говорят в злобном настроении.

В момент смерти тын выходит из человека: тыны чыкты, или тыны көбын парды — дыхание прекратилось, т. е. человек умер (букв. душа его убыла). В связи с этим вопросом стоит камский тын-бура, имеющий, впрочем, свои особенности.

Тын-бура — камская душа, как эмоциональная сила, которая делает кама способным совершать служение или иметь интимную связь с сухами. При камлании тын-бура в кама входит, после камлания — удаляется.

Каждый телеутский кам особенно предупредительно относится к своему тын-бура. На этом основании, после совершения обряда, он усыпает своего тын-бура в скрытое место.

Тын-бура после смерти одного кама передается другому, молодому или начинающему каму. Такой передачей выражается духовное камское преемство.

Кам с камом при помощи своих духов могут иметь состязание. Во время состязания более сильный кам похищает тын-бура своего противника, отрубает у последнего ноги и голову. Тын-бура умирает; через два-три дня умирает и сам кам, которому принадлежал он. В других случаях побежденный кам отделяется только болезнью и совершенно становится здоровым, если соединится с своим похищенным тын-бура. Об этих камских состязаниях среди шаманистов встречается много рассказов самого легендарного содержания.

По отношению к животным и птицам тын является как душа, впрочем не подвергающаяся наказанию; во-вторых — как физиологический процесс дыхания и, в-третьих — как жизнь. Здесь понимание тын аналогично человеческому.

В растительном царстве тын понимается как способность расти. Когда выпадает дождь и зазеленеет трава, посевы и лес, телеуты говорят: оббіңің, аштын тыны кірді — траве, хлебу рост пришел. В других случаях они думают, что растения дышут — тынду и имеют способность испытывать причиняемую им боль. Старые люди — без сомнения, мистики — не рубили лес и не рвали травы без надобности, чтобы не причинить растению боль. По их понятию, у растения нет тын — как души, со смертью исчезающей. Жизнь растения бессмертна и беспрерывна, потому что корень остается в земле, и растение вечно может поддерживать свое бытие.

С ё р.

Сёр по-русски можно перевести: образ, облик предмета. Портрет, фотографическую карточку, рисунки на бубне телеуты называют *сёр*. Такой же образ есть у скота и у человека.

Но *сёр* скота и *сёр* человека понимаются различно.

Сёр скота отделяется в момент смерти и переселяется в загробную жизнь. На этом основании среди телеутов в некоторых местах сохранился обычай закалывать любимую лошадь умершего для того, чтобы дать возможность последнему на том свете ездить на ней. Обреченнную лошадь для умершего приготовляют особым образом. В день смерти человека животное приводят к дому, где покрывают дорогими коврами, обвивают шалими, а в гриву и хвост вплетают шелковые ленты. При погребении лошадь впрягают в сани и телегу или увозят на ней гроб умершего на кладбище.

После похорон лошадь, во всем убранстве и в седле, кормят семь дней. За эти семь дней ее водят по домам, пашням и покосам родственников и знакомых. В силу существующей традиции, всякий обязан принять лошадь, накормить овсом, а вожатого угостить чаем и вином.

Чрез семь дней лошадь колют. Мясо съедают, седло и ковры отдают бедным людям. Иногда лошадь не колют, а после обычного приготовления отдают опять бедняку для пользования. Такой подарок носит смысл милостины: *јайдім болзын* — чтобы была через это польза умершему. Нужно отметить, что вся эта церемония с лошадью происходит в первый поминальный день по умершему.

Скотский *сёр* большое значение имеет при камских жертвоприношениях: он, главным образом, а не мясо только животного, идет в жертву как искупительный дар тому или иному духу. Это — самая существенная догма в шаманстве при кровавых жертвоприношениях.

Но так как шаманист-телеут признает в животном два начала: материальное и духовное *сёр*, то духу необходимо принести то и другое, — животное в целом его виде. На этом основании при жертвоприношении животное не режут, а всегда душат (*буруп-јат*) — с тою целью, чтобы *сёр* удержать в животном. Если же животное умертвить обычным способом, то *сёр* его чрез рот исчезнет, а само животное, благодаря порезам, подвергнется порче. Такая жертва, по мнению шаманистов, не достигает своей цели и является оскорбительной для духа.

Сёр человека, как и *сёр* животного, отделяется от своего объекта, но только при жизни, а не в момент его смерти.

Отделение *сёр* человека происходит исключительно по воле *Үлдін'я* — *Анам-Jaјучы*. Таковую волю свою *Анам-Jaјучы* записывает в особую

книгу, которая на камском языке называется: *Үлән бідің сабыр бічік* — *Үлән*'я начальника рукописание. Если *сүр'* у человека надлежит отделиться, то рукописание об этом человеке в книге чернеет: *kara кат пазыл партыр*. Видеть это может только кам.

Отделяя *сүр* от человека, *Анам-Дајуучы* этим самым кладет начало концу земного существования человека. *Сүр* начинает жить вне человека и является как бы смертною тенью его. *Сүр* может отделиться от человека за семь или десять лет до его кончины.

Отсутствие *сүр'*а человек долгое время в себе не замечает, — только продолжительная и упорная болезнь, ведущая к очевидной и неизбежной смерти, убеждает человека в том, что в нем отсутствует *сүр*.

При болезни, причиняемой отсутствием *сүр'*а, телесуты обычно не кам-лают, потому что *сүр*, вышедший из человека, снова не возвращается в него.

Сүр виден бывает в доме, в поле, на охоте. Взору человека он пред-ставляется в образе человека же. Поэтому человек, отрицающий свое при-сутствие в каком-нибудь месте, говорит другому: *сән сүрүмді көрібін болор-зын* — возможно, что ты видел (не меня, а) моего *сүр'*а.

Сүр человеческий живет в пространстве; в ночное время подходит к дому и стучит особым образом. Люди боятся *сүр'*а, хотя *сүр* не делает человеку вреда. Чтобы избавиться от вторичного посещения, хозяин дома утром приглашает кама, который отгоняет *сүр'*а.

После смерти человека, его *сүр* направляется к тому *бајана* (духу), от которого человек получил *кут* на свое земное существование. Следова-тельно, *сүр* идет к *Үлән'ям*, *Адам'у*, *Јо-Кан'у* и другим.

Если человек умирает насильственной смертью — утонул в воде, то *сүр* его идет к *Сулаи-Кан'у*, или *Талаи-Кан'у* — духу моря. Если от огня, то *сүр* идет к духу огня — *Оімок-Ару* и т. д.

При своем переселении *сүр* не сразу попадает к своему обладателю-духу; его путь бывает продолжительный и томительный. При своем путе-шествии (камлании) кам на пути видит *сүр* людей. Среди них видят и зна-комых, недавно умерших. *Сүр'*ы со стенами страдающих кричат каму:

Oi, oi, nälim ai! oi, oi, бажым ai... — ох, ох, спине моей больно, голове моей больно... (возьми нас с собой, кам!).

Кам терпеливо выслушивает их и идет дальше.

Ү з ў т.

В религиозном мировоззрении это духовное начало занимает довольно большое место.

Үзіт — посмертное существо, присущее одному только человеку. В нем олицетворяется то, что у русских принято выражать словом «покой-

ник» — дух умершего, который, по поверью, может являться родственникам после своего погребения.

Ўзўт'а телеуты представляют себе в виде ветра, или воздуха — *jäl салкын*, и в виде человека. Он видим бывает в лесу, на пашнях и в вихре. При виде вихря телеуты не преминут крикнуть: *шашу, бау*. Этим криком они отгоняют от себя ўзўт'а.

После смерти человека ўзўт его живет до 40 дней на кладбище. Иногда приходит ночью в дом и о своем присутствии заявляет глухим таинственным стуком. Когда замечается такое явление, присутствующие в испуге стучат в заслонку, берут нож или пласть и с шумом: *када чык, на кәрәк кәлди* (иди вои, зачем пришел) выгоняют ўзўт'а.

Телеуты очень оберегают себя от ўзўт'а.

Возвращаясь с могилы домой, телеуты никогда не оборачиваются назад. На пути к дому каждый трижды бросает паотмашь попавшиеся на глаза вещи: камень, палку или траву. Этим пренебрежительным действием запугивают ўзўт'а, чтобы он не шел за ними в дом. Все вещи, которые кладут с покойником в гроб (чашку, трубку, кисет), намеренно подвергают порче. Они думают, что этим путем вещи убиваются, умерщвляются. То же делают и с санями, на которых привозят покойника на кладбище. По убеждению телеутов, ўзўт'у, как существу посмертному, приятны вещи только испорченные, мертвые.

В первые семь дней после смерти родственники покойного не гасят в доме огонь, а старые не спят, проводят время в разговорах, а также слушают сказки, приглашая для этого специально сказочника (*каичы*). Всё это делается для того, чтобы отогнать ўзўт'а, который иногда с могилы приходит в дом.

Телеуты совершают по умершем поминки в седьмой и сороковой день и в день смерти через год. В седьмой и сороковой день родственники ходят на могилу только с хлебом разного приготовления — угождать ўзўт'а. Там разводят два костра: один большой на запад от могилы, для себя, а другой маленький в головах покойника, для ўзўт'а. Из принесенной пищи часть съедают сами, а небольшую часть кладут у огня ўзўт'у. Пищу ўзўт'а съедает собака, которую в этих случаях намеренно берут с собой. Сюда приносят еще вино. Посещение могилы, естественно, затягивается на несколько часов. По окончании обряда, старший из присутствующих пинает огонь ўзўт'а и говорит:

*Таш очобың одорым,
Талкан күлүңді чачарым.*

Твое огнище я буду разрушать,
Покроплю твоей золой-толокном.

В сороковой день, кроме обычных поминок и посещения могилы, происходит очищение дома от скверны ўзўт'а — *үйдің інін арулар*. Обряд очи-

щения совершают кам. Во время совершения обряда кам подходит в доме к каждому углу и, держа бубен над углом, искусно вычеканивает на бубне пальцами дробь, напоминающую собой стук гороха. Это, по толкованию телеутов, углы отдают собранные ими слезы, пролитые родными пред покойником. Кам, в заключение обряда, подхватив ўзүт'а и слёзы, выбегает на улицу с криком *шайу* вытряхивает на улицу и заключает всё такими словами:

<i>Кәскән азажыңа,</i>	В срубленное для тебя дерево (гроб),
<i>Кәмдәйән болзо јәріңә ...</i>	В смеренную тебе землю (могилу — уходи!).
<i>Айлу јәрдәң аірылбазың,</i>	Ты, отделившийся от лунного места,
<i>Алдыс қанда табылбазың</i>	Ты, Алдыс-царю найденный,
<i>Күндү јәрдәң аірылбазың</i>	Ты, отделившийся от солнечного места,
<i>Күндүс қанда табылбазың!</i>	Ты Күндүс-царю найденный (уходи)!

При очищении дома от скверны изгоняется также и *Алдачы* — дух, пожравший *күт* или *јұла* умершего человека. Этого страшного ангела смерти кам выгоняет такими словами:

<i>Алым парбан Алдачы</i>	Взявши ушел, жадный глотатель,
<i>Жіп парбан јімәкчәзі, шай!</i>	Проглативши съел, обжора, уходи!

Ўзүт обладает способностью захватывать с собой *јұла* кого-нибудь из родственников. На этом основании, в день поминок, кам тщательно контролирует возможные хищнические проделки ўзүт'. Похищенного *јұла* кам берет обратно иногда скоро, а иногда только с помощью дверного духа — *әжік-бій*. Во втором случае, за упорство ўзүт', кам разбивает его дом: ўзүт *үін одоро*.

К предупредительным средствам против ўзүт'а нужно отнести еще следующий обряд.

После похорон в доме, где лежал покойник, телеуты жгут куделью, а потом кладут камень. По истечении семи дней камень уносят на могилу. Этим выражается такая мысль: пусть ўзүт так же лежит, как камень, и не уходит с могилы, как не может уйти камень.

Живя на кладбище, ўзүт томится своим одиночеством и делает попытки войти в общение с живыми людьми для того, чтобы братски побеседовать с ними. В таких случаях ўзүт, пробравшись в дом, через рот входит в живот человека. Человек от непрошенного гостя начинает болеть животом. Больной лечится, приглашает к себе специалиста — мужчину или женщину, умеющих выгонять из живота ўзүт'. Специалист делает маленькую деревянную лопаточку и кладет на нее раскаленные угли с золой. На угли кладет муку, масло и табак. Получается куряшка с отвратитель-

ным дымом. С этой куряшкой над больным, лежащим в постели, совершается обряд, называемый чымыр. Он заключается в следующем. Приглашенное лицо, окуривая больного, читает молитву сначала тихо, в средине погромче, а в конце чтение доходит до неистового, злобного крика. Совершающий обряд при последних словах выбегает на крыльцо, небрежно бросает лопатку с заключительными словами: *шай* — или: *ай, татаи* — уходи, погань!

Молитва, произносимая над больным:

Чымыр, чымыр...	<i>Jіda мынаң жемірарім. Чымыр...</i>
Канду ўзұт, кара жәк-нә?	<i>Көк тәмірә қыстаірим,</i>
Чымыр, чымыр...	<i>Жардың пінә жаңзаірим. Чымыр...</i>
Толук саін толбондың-ба?	<i>Капшығаіба қабылып оттур.</i>
Арал саін аіландың-ба?	<i>Ады бажың аідынып оттур. Чымыр...</i>
Күјүн болуп қуібурдун-ба?	<i>Кәскән-сәң ағажыңа</i>
Салқын болуп сабырылдың-ба? Чымыр...	<i>Кәмдәнәндә жәнүңа</i>
Жакшы атқаниң жәзық полды, чымыр...	<i>Алып парған Алдачыңбыла</i>
Ііда атқаниң іләк полды. Чымыр...	<i>Jіп барған жімәкчің білә. Чымыр...</i>
Ақ таіканы ажып кәлдің-бай?	<i>Іідім болзо қабабан,</i>
Абын суды кәчіп кәлдің-бай? Чымыр...	<i>Үм болзо сүсәнән,</i>
Ады жолын аідынып оттур,	<i>Айбырым болзо табайын.</i>
Тіжің болзо тіштәнбай,	<i>Ады жолың аідынып оттур! Чымыр...</i>
Tilim білә чачіlin оттур. Чымыр...	<i>Шай!</i>
Жажыл отко жаңзаірим,	
Кызыл отко қыстаірим,	
(Болезнь) от сердитого ўзұт'a или от	(Свое)имя, дорогу начинай сказывать,
jәk'a?	Свои зубы не сжимай,
Увивался ли на каждом углу?	От моего языка (разговора) развяз-
Плутал ли в каждой роще?	жись (т. е. признавайся,
Сделавшись вихрем, извивался ли?	открывайся)!
Сделавшись ветром, крутился ли?	Прижму (тебя) к зеленому огню,
Благожелания твои приносят вред,	Притисну к красному огню.
Услуги твои стали посмешищем.	Сокрушу тебя копьем,
Не через белую ли гору пришел,	Сокрушу тебя мечом,
Не через быструю ли реку пришел?	Притисну тебя между зеленых желез.

Прижму тебя к высокому яру,
Поспешай, торопись!
Сказывай имя и род твой!
(Иди) к рубленному для тебя гробу,
К смеренной для тебя могиле.
(Иди) с Алдачы, который взял тебя
С твоим пожирателем (уходи)!
Собака моя кусается,
Корова моя бодливая,
Жеребец мой лягается.
Имя и путь твой говори! уходи!
с собой,

В других случаях *ўзўт* является существом алчным, прожорливым и большим любителем вина.

Когда большой компанией телеутки курят вино, то случается так, что некоторые казаны не дают достаточного количества вина. Это получается вследствие того, что брага, из которой курят вино, приготовлена плохо. Однако явление это телеутки объясняют иначе — они думают, что в казан вошел *ўзўт*, который и выпивает вино. Чтобы устранить это, над котлом делают обычный чымыр, как и над больным.

В сознании телеутов *ўзўт* — дух покойника постепенно забывается, как забывается и сам человек. С этим исчезает и его вредное влияние.

Сүнә.

Сүнә — душа человека.

В момент смерти *сүнә* выходит из тела и остается пока в доме умершего до погребения. Благодаря присутствию *сүнә*, покойник продолжает слышать и понимать всё, что происходит вокруг него. На этом основании при оплакивании родственники в причитаниях стараются сказать что-нибудь приятное для умершего.

Причитания эти имеют форму обычной светской песни и называются *сыбыт* (плач). В дальнейшем они поются как нечто обязательное и другими родственниками, приехавшими навестить семью покойного. Если *сыбыды* не петь, то покойник на том свете будет глухим.

Дальнейшее свое внимание к умершему телеуты выражают поминками. В память покойного устраивают их несколько раз: в первый день (*күні*), в седьмой день (*коногы*), в сороковой (*кырыбы*) и в годовщину смерти (*калбан ажы*). В эти дни стол убирают разными яствами: пельменями, оладьями, мясом и лапшой. Мед при поминальном столе не употребляют. Мед есть продукт крылатых существ, пользы от них покойнику не будет.

При вкушении пищи иногда говорят: (имя рек) балам *јакишида јарыкта јурзін* — пусть в хорошем свете живет, или: *сүнәзіна јәдім болзын* — пусть будет польза душе!

Теми же яствами угощают *сұнā* умершего. Пищу для *сұнā* ставят сначала в чашечках на окно, а потом выносят на двор и кладут там, где делали гроб. С этим обрядом телесуты соединяют ту мысль, что умерший будет есть пищу — *білбін кікіді азрап жат*. При угощении *сұнā* обычно говорят:

Жүрү болзоң појың іштің
Олбін болзоң сұнāң ічсің.

Когда был живым, ты сам ел,
Когда умер, твоя *сұнā* пусть ест.

Брошенную пищу на дворе должна съесть собака, которая на этот случай тут привязывается. Крылатым существам: курам, уткам, гусям и другим птицам не дают клевать, потому что они летают, *сұнā* за ними ходит, и пища ей не попадает. Собака же всегда живет дома, и *сұнā* свободно может принимать от нее пищу.

После погребения, *сұнā* покойника некоторое время живет дома, а потом идет по судам — *жарбы сајын*. *Сұнā* богатого человека совершают свое путешествие по судам на лошади, которую после его смерти закололи на могиле; *сұнā* бедного путешествует пешком.

Хождение *сұнā* по судам продолжается 40 лет. Его сопровождает по-сланник того духа, от которого человек умер. Посланником, сопутствующим *сұнā*, является дух — *алдачы*, пожравший в момент смерти *жұла* покойника.

За свое сорокалетнее странствование *сұнā* осматривает места страшных мучений грешников — *қызын жәр*. Места мучений грешников находятся на камском пути к духу-родоначальнику *Адам'у*: *Ада бістің жүн жәр*, чын *қыжалду қызын жәр* — отца нашего сборное место, достойному грешнику место мучения.

О местах мучений грешников говорится еще в надгробных песнях (*сыбыт сарын*):

Аілу ба жәрдә на қыжал адә,
Абоі тәмірдә чын қыжал адә

Что за грех на этой (лунной) земле,
Грех имеет значение на белом железе
(место мучений).

Күндү-ба жәрдә на қыжал адә,
Көлүм тәмірдә чын қыжал адә.
Аілу ба жәрдә на қыжал адә,
Арбыс-па қанда чын қыжал адә.
Күндү-ба жәрдә на қыжал адә,
Күндүс-па қанда чын қыжал адә,

Что за грех на этой (солнечной) земле,
Грех имеет значение на синем железе.
Какое значение имеет грех на земле,
Грех имеет значение у *Арбыс*-паря.
Какое значение имеет грех на (солнечной) земле,

Күндүс-па қанда чын қыжал адә. Грех имеет значение у *Күндүс*-паря.

По окончании странствования, *сұнā* переселяется в область *Арбыс*-паря, духа, который ведает душами умерших людей.

Аілу жарда жүрәндә
Жүс төбүзөн јаш жажабам;
Арбыс-қанба сабылбанаң ала,
База жүс төбүзөн жыл дәртті.

Обитая на земле,
Сто девяносто лет жила;
С той поры, как перешла к Арбыс-парю,
Прошло еще сто девяносто лет.

Так говорит одна из умерших каму, когда он встречает ее на своей дороге к духу *Jaңыс-Сом'*у.

Душа младенца, который умирает в период своего питания грудью матери, считается безгрешной. После смерти ребенка, мать выдаивает молоко из своих грудей и брызжет (*чачып жат*) вверх к *Анам-Яајучы*. Этим актом выражается покорность матери по отношению к *Анам-Яајучы*, по воле которой умерло ее дитя.

Жәл-салкын.

В загробной жизни грешные люди (*кыжалду кіжі*), по мировоззрению телеутов, вечно мучаются.

Чын кыжалду күндүді көрзөн,
Чакта-ба чакка,
Жылдан-ба жылба
Кынналып турғаның.

Посмотри ты на человека гречного,
Из века в век,
Из года в год
Мучается.

Добродетельные люди (*ақ сабышту кіжі*) обращаются в существа — как воздух *jäl-салкын* (букв. легкий ветерок) и живут в другом мире (*ол жар*), во владении царя *Күндүс'а*. Жизнь добродетельных людей в другом мире (*ол жар*) во всем похожа на жизнь людей, живущих на земле. Это их рай.

Там муж и жена снова сходятся друг с другом и ведут обычное хозяйство, какое вели на земле: *улу ашту, малду болуп* — бывают богаты скотом и хлебом. Но в том мире сходятся между собою те супруги, которые женились первым браком. Женившийся первым браком на вдове на том свете остается без жены, потому что жена его принадлежит первому мужу.

Религиозное сознание телеута-шаманиста крепко связано с именами своих умерших кровных родственников — камов, камок, а также *әмайандар'ов* и *әнәкәләр'ов* — лиц не камского происхождения. Телеут еще живет родовой системой. Эту систему он не изменил и по отношению к своим предкам; поэтому каждый род чтит только своих кровных предков.

Внешним выражением почтания предков является жертва кровная и бескровная. Принося жертву обычно при заболеваниях, телеут умилостивляет предка за гнев, который он проявил к нему в виде той или другой болезни. Свое освобождение от болезни телеут истолковывает как милость предка. Тяжелая интимная зависимость, основанная на праве одного и бес-

правил другого, дает однако возможность телеуту считать предка кама покровителем своего дома (*аланчыбының сакчызы*) и хозяйства, главным образом скота.

В зависимость от умерших предков, кама или камки, телеут ставит еще молодых начинающих камов. Эти священные лица шаманского культа получают свою предрасположенность к камскому служению только от предков, через первую «падучую» болезнь — эпилепсию. Против этой изнурительной болезни, часто кончающейся смертным исходом, у туземцев нет средств, кроме камлания. Камление дает возможность эпилептику как бы разрядиться от своей болезни. И камлающий, как показывают наблюдения, действительно не болеет. В этом заключается главная причина, причина чисто физиологического характера, почему камы или камки, вопреки своему желанию, принимают на себя тяжелую роль служителя шаманского культа. Ови бесспорно — больные люди. Оставляя свое камское служение, многие камы боятся одного — повторения падучей болезни; с самым культом они легко могут порвать всякую связь.

Амайандар и *анакалар* — это души женских особ — стариц и их матерей, служащие у телеута в качестве домашних пенатов. Они являются отдаленными, давно умершими, но кровными родственницами телеута-шаманиста.

A. ANOCHIN.

Die Vorstellungen von der Seele bei den teleutischen Schamanisten in Altai.

Résumé.

Nach den Vorstellungen der altaischen Schamanisten aus dem Volksstamme der Teleuten hat die Seele des Menschen sieben Eigenschaften: *kut*, *jula*, *tym*, *üzüt*, *sünä*, *sür*, und *jäl-salkyn*. Die *kut* wird zwiefach aufgefasst — als Embryo, mit dem das Dasein des Menschen beginnt, und als die Kraft, die sein Leben erhält. Die *kut* wird von der Göttin Anä-Jajutschy der Schöpferin-Mutter erschaffen, die in der vierten Himmelssphäre wohnt. Bei plötzlichem Erschrecken und während einer Ohnmacht verlässt die *kut* den Menschen und trägt dann die besondere Bezeichnung *jula*. Wenn während dieser Zeit ein böser Geist die *jula* fängt, kann er sie fressen, worauf der Mensch schwer erkrankt und stirbt. Allerdings kann der böse Geist gegen ein Lösegeld in Form eines Opfers dem Menschen die geraubte *jula* zurückgeben. Während des Schamanenritus verlässt die *jula* den Schamanen und unternimmt Wanderungen in verschiedene Gegenden.

Tyn ist die Atemfähigkeit, das Leben des Menschen, das ihn in Augenblicke des Todes verlässt. Beim Schamanenritus versetzt sich *tyn-bura* in den Schamanen und verlässt ihn nach Beendigung des Ritus. Die *tyn* der Pflanzen ist ihre Fähigkeit zu wachsen.

Die *sür* kehrt, nachdem sie den Menschen verlassen hat, nicht mehr in ihn zurück. Der seiner *sür* verlustig gegangene Mensch kann noch 7 oder 10 Jahre leben, aber er wird die ganze Zeit krank sein. Bis zum Tode des Menschen kann man die *sür*, die ihn verlassen hat, im Hause, auf dem Felde und im Walde sehen, aber nach dem Tode geht sie in die Geisterwelt ein. Damit die *sür* nicht aus dem Opfertiere herausgehe, wird das letztere nicht geschlachtet, sondern erdrosselt. Ein Opfer, in dem die *sür* nicht erhalten geblieben ist, bildet eine Beleidigung für die Geister.

Uzüt ist die Seele des verstorbenen Menschen. Sie manifestiert sich als Wind oder als Abbild des Menschen. Sie lebt auf dem Friedhofe, kann aber in das Haus zurückkehren und hier durch den Mund in den Leib des Menschen eintreten, woher die Magenschmerzen entstehen. Die *uzüt* wird als gieriges, gefrässiges Wesen aufgefasst, das dem Trunke sehr ergeben ist.

Die *sündä* verlässt den Menschen im Augenblick des Todes. Einige Zeit nachher lebt sie noch im Hause; hierauf wandert sie 40 Jahre nach den «Gerichten» und beschaut die Orte, wo die Sünder gequält werden. Solange die *sündä* im Hause ist, ernährt man sie indem man einem Hunde Speise für sie giebt.

In der Epilepsie sehen die Teleuten eine Willensäußerung eines Ahnen, der Schamane war, infolge deren der Kranke selbst Schamane werden muss. Die Epilepsie findet so zu sagen eine Entladung im Schamanenritus und der Schamane leidet nicht an Anfällen dieser Krankheit.
